

Д. Ф. Мищенко

(ИЛИ РАН / LLACAN, CNRS UMR-8135)

**МАРКИРОВАНИЕ АРГУМЕНТОВ
МНОГОМЕСТНЫХ ПРЕДИКАТОВ В ЯЗЫКАХ МАНДЕ:
К ИЗУЧЕНИЮ ЕСТЕСТВЕННЫХ КЛАССОВ
ПРЕДИКАТНЫХ ЛЕКСЕМ¹**

1. Введение

В большинстве языков можно относительно легко выделить базовую переходную конструкцию. Не обладая универсальными морфосинтаксическими свойствами, она, тем не менее, сравнительно легко определяется для каждого конкретного языка на основании сравнения с другими конструкциями. Однако помимо переходных конструкций в каждом языке имеется некоторое количество многоместных предикатов, кодирующих свои аргументы иначе. Как правило, для этого язык прибегает к различным стратегиям, т.е. разные поливалентные лексемы обладают различными моделями управления. На основании единства последних лексемы можно объединить в группы различного размера. Такую классификацию принято называть естественной: в ее основе лежит «существенный признак, определяемый природой изучаемых предметов и явлений» [Кондаков 1976: 172]. Попытка выяснить, как и почему предикативные значения группируются в классы с единым способом кодирования актантов в разных языках мира стала основной задачей исследования, осуществлявшегося в Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН в 2009–2010 гг. Основные результаты работы в рамках проекта изложены в: [Сай 2011].

---

¹ Исследование выполнено при поддержке грантами РГНФ № 11-04-00179 «Вариативность аргументной структуры глаголов и классификация глагольной лексики в разноструктурных языках», № 13-34-01015 «Глагольные системы языков манде в контексте типологических и ареальных исследований» и грантом «Школа Маслова».

Собранные материалы с очевидностью продемонстрировали, что зачастую один и тот же предикат может задавать разные аргументные структуры. В некоторых случаях различие между двумя аргументными структурами сопровождается изменениями структуры самого предиката, в других — одна и та же глагольная лексема употребляется в разных аргументных структурах без каких-либо показателей, а сами аргументные структуры могут характеризоваться различным количеством и набором семантических участников и их ролей. Выявление параметров вариативности аргументной структуры глаголов в языках различного типа и исследование характера факторов, определяющих выбор между конкурирующими моделями, стали целями следующего проекта лаборатории, стартовавшего в 2011 г.

В рамках двух этих проектов были собраны данные о способах выражения предикативных значений в ряде языков различной генетической и типологической принадлежности, в настоящее время этот список насчитывает 35 языков. В числе прочего были получены данные о кодировании аргументов в языках, представляющих различные группы семьи манде: бамана (манден), боко (восточные), гуру (южные), лоома (юго-западные) и какабе (моколе). Данные языков манде существенно модифицируют общую классификацию предикатов в языках мира и в значительной степени корректируют представление о факторах, влияющих на выбор аргументной структуры. Кроме того, собранный материал позволяет сделать ряд наблюдений над особенностями кодирования аргументов многоместных предикатов в языках манде безотносительно к задачам проекта, а сведения, полученные в рамках проекта о других языках, предоставляют широкие возможности для типологического сопоставления данных манде.

2. Сбор данных

В рамках проекта сотрудниками лаборатории была разработана анкета, содержащая 130 стимульных предложений. Каждое из них выражает предикатное значение, которому с большой долей вероятности в конкретном языке будет соответствовать непереходный

многместный глагол. При разработке анкеты ее создатели стремились свести к минимуму возможное влияние грамматических факторов на способ кодирования аргументов. Так, известно, что отклонения от переходной модели часто наблюдаются под отрицанием, в имперфективных контекстах, при неполном охвате объекта. Поэтому при составлении анкеты в нее по возможности включались утвердительные предложения с определенным объектом, не допускающие хабиутальной интерпретации. Для того чтобы сохранить естественность аспектуальной интерпретации с глаголами различных акциональных свойств, для предельных предикатов в анкету были включены стимулы с перфективным значением в прошедшем времени, а для неопределенных предикатов — стимулы в настоящем времени.

В ходе исследования были собраны данные по 35 языкам. Полный список этих языков представлен ниже.

- индоевропейские:
  - кельтский (ирландский),
  - романские (французский и испанский),
  - германский (немецкий),
  - балтийские (литовский и латышский),
  - славянские (русский, польский),
  - албанский,
  - греческая ветвь (древнегреческий и новогреческий),
  - армянский (восточноармянский),
  - иранский (осетинский),
  - индоарийский (котлярский цыганский);
- баскский;
- уральские (эстонский и ингерманландский финский);
- нахско-дагестанские (багвалинский, цахурский, лезгинский);
- тюркские (азербайджанский, башкирский, тувинский);
- монгольский (калмыцкий);
- тунгусо-маньчжурский (нанайский);
- японский;
- сино-тибетский (северно-китайский, или мандаринский китайский);

- австроазиатский (кхмерский);
- тупи (парагвайский гуарани);
- афроазиатский (литературный арабский);
- манде:
  - манден (бамана),
  - моколе (какабе),
  - восточные (боко),
  - южные (гуро),
  - юго-западные (лоома).

К сожалению, материал, собранный по языку какабе, требует дальнейшей обработки, а потому данные этого языка привлекались в исследовании в минимальной степени.

3. Эмпирические результаты

3.1. Переходность.

В первую очередь для всех изучаемых языков проверялось, насколько часто для кодирования двухместных ситуаций в них используются переходные, а насколько часто — двухместные непереходные конструкции. В зависимости от этого можно говорить о том, что языки являются более или менее «переходными». Степень «переходности» изученных языков представлена в таблице 1.

Таблица 1. Степень «переходности» языков

Эстонский	66%	Багвалинский	52%	Калмыцкий	41%
Лезгинский	66%	Азербайджанский	52%	Арабский	39%
Ингерманландский финский	63%	Латышский	50%	Боко	39%
Цыганский	60%	Восточно-армянский	50%	Баскский	38%
Русский	59%	Албанский	48%	Французский	37%
Лоома	58%	Японский	46%	Английский	37%
Гуро	58%	Цахурский	45%	Гуарани	35%

Ирландский	57%	Древнегреческий	44%	Новогреческий	33%
Башкирский	54%	Бамана	44%	Кхмерский	26%
Литовский	54%	Немецкий	42%	Севернокитайский	19%
Тувинский	53%	Испанский	41%		

Как видно из таблицы, даже на небольшой изученной выборке языков количественный разброс весьма велик. Внутри семьи манде колебания по степени переходности тоже очень велики, от «сильно переходных» лоома и гуру до «слабо переходного» боко.

Однако, если проверить, какие именно глаголы в языках мира оказываются переходными, становится очевидным, что качественные различия между языками незначительны. В составе изученной глагольной лексики отчетливо выделяются подкласс, тяготеющий к переходности, и подкласс, тяготеющий к непереходности. Ниже в таблице 2 представлены предикаты, во всех языках оказавшиеся непереходными (левый столбец), и предикаты, во всех языках оказавшиеся переходными (правый столбец) и составившие, таким образом, «ядро переходности». Данные языков манде в ней не учтены.

Таблица 2. Переходные и непереходные предикаты

Непереходные	Переходные
у X-а (болеть) Y	X (бросать) Y(-а)
X (бояться) Y-а	X (брать) Y(-а)
X (входить) в Y (дом)	X (гнать) Y-а
X (выходить) из Y-а	X (гнуть) Y
X (говорить) Y-у	X (есть) Y
X (драться) с Y-ом	X (жарить) Y
X (дружить) с Y-ом	X (изготавливать) Y
X (зависеть) от Y-а	X (красить) Y
X (называться) Y	X (ловить) Y(-а)

X (наполняться) Y-ом	X (ломать) Y
X-у (недоставать) Y-а	X (мыть) Y
X-у (нравиться) Y	X (открывать) Y
X (отвечать) Y-у	X (пахать) Y
X (отличаться) от Y-а	X (петь) Y
X (отставать) от Y-а	X (писать) Y
X (подходить) к Y-у (пояс к платью)	X (пить) Y
X (прилипать) к Y-у	X (плавить) Y
X (проиграть) Y-у	X (покрывать) Y
X (радоваться) Y-у	X (терять) Y
X (разговаривать) с Y-ом	X (убивать) Y-а
X (слезать) с Y-а (с лошади)	X (читать) Y-а
X (смешаться) с Y-ом	X (огорчать) Y-а
X (соглашаться) с Y-ом	
X (ссориться) с кем Y	
X (тонуть) в Y-е	
X (сердиться) на Y-а	

В целом круг переходных глаголов в манде оказывается предсказуемым: во всех языках он включает «ядро переходности», а различия между языками определяются тем, насколько широко охвачена «периферия переходной зоны», предикаты из которой в одних языках являются переходными, а в других непереходными. Однако существуют случаи, когда материал языков манде противоречит ожиданиям.

Во-первых, предикативное значение 'X (отвечать) Y-у', ни в одном из других исследованных языков не выражающееся переходным глаголом, выражается при помощи переходного глагола в лоома и бамана:

БАМАНА

(1) *Mádù yé à ká kàramóǵ' jáabi.*

Маду PRF 3SG POSS учитель\DEF отвечать

(Учитель спросил у Маду, как зовут его родителей). 'Маду ответил учителю.'

ЛООМА

(2) *Akóy ∅ kálámó yàwòtè-gè.*

Акои 3SG.BASE REF\учитель отвечать-RES

(Учитель спросил у Акои, как зовут его родителей). 'Акои ответил учителю.'

Во-вторых, значение 'X (терять) Y', которое на основании данных других языков следовало бы отнести к «ядру переходности», напротив, в языках манде оказывается выражено непереходными глаголами:

БОКО

(3) *Bíw kùà kili-ɔ wa.*

Био терять.PRF ключ-PL на

'Био потерял ключи.'

БАМАНА

(4) *Kónɲin' tɪnu-na Mádù bólo.*

ключ\DEF терять-PRF Маду у

'Маду потерял ключи' (букв. 'Ключ у Маду потерялся').

(5) *Kónɲin' búrɪn-na Mádù kɔ.*

ключ\DEF терять-PRF Маду за

'Маду потерял ключи' (букв. 'Ключ у Маду потерялся').

3.2. Валентностные классы переходных глаголов.

На основании того, что некоторые предикаты регулярно попадают в один валентностный класс в разных языках, можно говорить о том, что в глагольной лексике существуют определенные зоны, которые ведут себя относительно единообразно. К примеру, одной из таких типологически выделяемых зон является зона глаголов «взаимодействия», таких как «помочь», «доверять», «льстить», «отвечать» и некоторые другие. Однако, как показало исследование, в языках манде такие глаголы не образуют однородной группы. Среди изученных пяти языков не оказалось ни одного, в котором даже перечисленные 4 значения выражались бы при помощи лексем с одинаковой моделью управления. Таким образом, на самом деле эта группа семантически неоднородна, а сходство, которым якобы обладают составляющие ее предикаты, приписывается им искусственно.

Еще одну зону составляют т.н. «комитативные», или «симметричные», предикаты типа «соглашаться», «разговаривать», «дружить» и др. И здесь материал языков манде, а точнее, одного из них, лоома, также свидетельствует о разнородности группы, поскольку соответствующие предикаты здесь оказываются распределены между двумя валентностными классами: с предлогом *gà* и с предлогом *tá*. В лоома предлог *gà* выражает ряд значений, обычно связанных с комитативной семантикой (второстепенный агент, объект, который имеет при себе агент, инструмент, семантический неличный агент в пассивных конструкциях, образ действия, материал, результат трансформации, стандарт сравнения, ряд синтаксических актантов глагола и др.). Предлог *tá* также способен выражать комитативное значение, однако в отличие от предложной группы с предлогом *gà*, выражающей второстепенного участника ситуации, предложная группа с предлогом *tá* обозначает участника, равноправного главному участнику ситуации, ср.:

лоома

- (6) *Àkóy vâ-vè*   *gà kèéyé.*
Акои   приходить-RES   с   3SG.Плотец

‘Акои привел с собой своего отца.’

- (7) *Àkóy vâ-vè tá kèéyé.*
 Акои приходитЬ-RES с 3SG.PLотец
 ‘Акои пришел со своим отцом.’

Таким образом, можно утверждать, что предикаты с моделью управления $X + V + tá Y$ обозначают подлинно симметричные ситуации:

- (8) *Gúló-y Ø zírù-á*
 REF\масло-DEF 3SG.BASE смешиваться-PRF

tá zíé-y.

с REF\вода-DEF

(В сосуд с водой налили масло и размешали.) ‘Масло смешалось с водой.’

Предикаты же с моделью управления $X + V + gâ Y$ можно назвать квазисимметричными; ср. (9), фокусирующий внимание на первом участнике:

- (9) *Zèzè yâ wââ-zù gâ Àkóy.*
 Зезе 3SG.NPST драться-IPFV с Акои
 (— Посмотри во двор. — А что там?) ‘Зезе дерется с Акои.’

Если же необходимо подчеркнуть равноправие участников, употребляется сочиненная ИГ:

- (10) *Zèzè tá Àkóy, táá wââ-zù.*
 Зезе и Акои 3PL.NPST драться-IPFV
 (— Посмотри во двор. — А что там?) ‘Зезе и Акои дерутся.’

Количество валентностных классов, зафиксированных в разных языках, может отличаться довольно значительно. К приме-

ру, во французском их 9, а в польском или литовском 16. Можно предположить, что энтропия валентностных классов коррелирует, во-первых, со степенью «переходности» языка (обратно пропорциональна ей), а во-вторых, с количеством сильно грамматикализованных адлогов (прямо пропорциональна ему). Первое предположение кажется интуитивно понятным: если в языке велика доля переходных глаголов, немногочисленные непереходные глаголы не смогут разбиться на большое количество крупных валентностных классов. Второе предположение базируется на том, что разнообразие моделей управления возможно только при наличии достаточного количества формальных средств кодирования участников.

Обе гипотезы подтверждаются материалами манде. В таблице 3 представлены данные о соотношении трех показателей для четырех языков семьи. В первом столбце наряду с общим количеством двухместных моделей управления указано количество макроклассов, т.е. классов, представленных более чем двумя предикатами выборки. Во втором столбце приводится количество грамматикализованных адлогов. К ним я отнесла такие адлоги, которые способны употребляться не только в локативном значении. Наконец, в третьем столбце приведено процентное соотношение переходных глаголов, за 100 % принято количество всех глагольных предположений, полученных в результате исследования.

Таблица 3. Зависимость количества валентностных классов от других грамматических параметров

Язык	Кол-во непереходных двухместных моделей управления (кол-во макроклассов)	Кол-во грамматикализованных адлогов	% переходных глаголов
Лоома	8 (4)	7	58%
Бамана	10 (3)	8	44%
Гуро	12 (5)	9	58%
Боко	13 (5)	6	39%

Как видно из таблицы, чем больше в языке сильно грамматикализованных адлогов, тем больше в нем и макроклассов двухместных предикатов. Это соотношение нарушается только для боко, однако в нем небольшое количество грамматикализованных адлогов компенсируется низкой степенью «переходности». Таким образом, можно предположить, что 2 указанных фактора коррелируют с разнообразием валентностных классов в сумме, а не по отдельности. Кроме того, нужно отметить, что корреляция не подразумевает причинно-следственных отношений: отмечая наличие зависимости, я не утверждаю, что какое-либо из явлений первично по отношению к другим.

Выше уже было сказано, что валентностные классы в языке могут сильно различаться по своему объему. В каждом из языков есть модели управления, характерные для одного-двух предикатов. Однако есть и макроклассы, объединяющие несколько десятков предикатов с одинаковой моделью управления. Интересно, что во всех языках манде самой распространенной моделью управления является такая модель, в которой второй участник вводится послелогом наиболее общей локативной семантики. В лоома это послелог *mà* (14 предикатов выборки), в бамана — *lá* (10 предикатов), в гуру — *bā* (17 предикатов), в боко — *wa* (14 предикатов).

ЛООМА

- (11) *Àkóy* *yà*   *wóíló-sú*   *rádíó*
Акои   3SG.NPST   слушать-IPFV   радио

wób-y   *mà*.

голос-DEF   на

(Что делает Акои?) ‘Акои слушает радио.’

Вероятно, причина распространенности такой модели заключается в том, что общелокативный послелог не связан с конкретной семантикой и предоставляет больше возможностей для кодирования участников в ситуациях любого типа.

3.3. Вариативность аргументной структуры.

Семантически мотивированная вариативность аргументной структуры может быть обусловлена различными факторами. К их числу относятся ингерентные семантические свойства самого предиката и актантов (например, одушевленность или неодушевленность), морфосинтаксические характеристики актантов (например, тип ИГ), разнообразные дискурсивные параметры (топикальность, рематичность, эмпатия), а также свойства синтаксического контекста (например, употребление в главной или зависимой клаузе). Рассмотрим подробнее некоторые из них.

В ходе исследования было установлено, что для некоторых классов глаголов вариативность аргументной структуры характерна в большей степени, чем для других. Так, несколькими моделями управления зачастую обладают глаголы ментальной сферы. Вероятно, причина этого явления заключается в том, что такие глаголы не связаны с физически наблюдаемыми ситуациями. Кодирова их, мы прежде всего сравниваем их с другими, более конкретными ситуациями. Поскольку концептуализировать такие ситуации можно по-разному, оказывается возможным использование нескольких разных моделей кодирования аргументов. Материал языков манде подтверждает эту гипотезу. Так, в бамана второй участник при глаголе *fúnun* ‘обижаться’ может вводиться либо при помощи послелога *lá*, либо при помощи послелога *kóró*:

БАМАНА

(12) *Mádù fúnun-na Músà lá /kóró.*

Маду обижаться-PRF Муса на / под

(Муса назвал Маду дураком.) ‘Маду обиделся на Мусу.’

Таким образом, выбирается либо самая распространенная модель управления, либо модель, ассоциирующаяся с другими глаголами отрицательных эмоций, ср.:

- (13) *Mádù dími-ra / dùsu-ra Músà kórɔ.*
 Маду болеть-PRF / злиться-PRF Муса под
 ‘Маду злится на Мусу.’

Кроме того, очень большое количество предикатных значений из ментальной сферы в языках манде выражается при помощи неглагольных предложений, что представляется естественным, если принять во внимание семантику состояния, присущую таким ситуациям:

БАМАНА

- (14) *Mádù bé tèlefoni kúra' fè.*
 Маду COP телефон новый\DEF у
 ‘Маду хочет новый мобильник.’

В некоторых случаях выбор стратегии кодирования аргументов зависит не от самого глагола, а от типа объекта, заполняющего позицию аргумента. К примеру, в языках мира распространена ситуация, когда глагольная лексема, выражающая значение «X (шевелить) Y-ом», может иметь как переходную, так и непереходную модели управления: если в качестве объекта выступает часть тела, ожидаемо употребление непереходной конструкции, а с отчуждаемыми объектами употребляется переходная конструкция, ср. в русском: *Он пошевелил пальцем*, но *Он пошевелил угли в костре*. Однако в языках манде модель управления соответствующих лексем не зависит от типа объекта, и глагол всегда остается переходным:

ЛООМА

- (15) *Síwǐli Ø zéé bèyà bǎli-yá.*
 Сивили 3SG.BASE 3SG.PIрука палец трястись-PRF
 ‘Сивили пошевелил пальцем.’

БАМАНА

- (16) *Mádù yé à bólo ngóni' lá-màga.*
 Маду PRF 3SG рука палец\DEF CAUS-касаться
 'Маду пошевелил пальцем.'

БОКО

- (17) *Bíó ɔnɛ-na òlì.*
 Био палец-SUBST шевелить.PRF
 'Био пошевелил пальцем.'

В ходе исследования было установлено, что склонность к семантически мотивированной вариативности аргументной структуры у разных языков проявляется в различной степени. Так, для лоома и гуру вариативность почти нехарактерна. В бамана вариативность распространена сильнее. Здесь, как правило, если одно и то же значение можно выразить разными глаголами, то все они либо переходны, либо непереходны, ср.:

БАМАНА

- (18) *Mádù bé Músà*
 Маду IPFV Муса
kóni-ya / màngo-ya.
 быть.завистливым-ABSTR / нелюбимое-ABSTR
 'Маду ненавидит Мусу.'

Таким образом, в очередной раз подтверждается предположение о том, что предикатные значения, как правило выражаемые переходными глаголами, образуют достаточно четко очерченную группу. Вариативность в выборе непереходной модели управления и, конкретнее, в выборе послелога наблюдается, как правило, в таких ситуациях, которые можно интерпретировать как локативные:

БАМАНА

- (19) *Mádù bé tùgu Músà kàn / kó / lá / nǒfè.*
 Маду IPFV соединять Муса на / за / на / вслед
 ‘Маду следует за Мусой.’

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо, ИГ — именная группа, ABSTR — суффикс изменения качества или состояния (abstract), BASE — базовая серия (base), CAUS — каузативный суффикс (causative), COP — копула (copula), DEF — определенный артикль (definite), IPFV — имперфектив (imperfective), NPST — серия не прошедшего времени (non-past), PFV — перфектив (perfective), PI — местоименный индекс (pronominal index), POSS — possessивный местоименный показатель (possessive), REF — референтный артикль (referent), RES — результатив (resultative), SG — единственное число (singular), SUBST — суффикс субстантивации (substantive).

Литература

Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1976.

Say C.C. Неканоническое маркирование актантов многоместных предикатов: опыт квантитативно-типологического исследования // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Вып. VII. СПб.: Наука, 2011. Т. 3. С. 424–430.

Hopper P.J., Thompson S.A. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. 1980. Vol. 56. (2). P. 251–299.